

[00:00:00] [Начало записи.]

Маринэ Восканян: Уважаемые коллеги, уважаемые гости, добрый день. Рада приветствовать вас на одной из секций сегодняшнего МЭФ. У нас сегодня не совсем обычный формат. Многие наши коллеги сейчас сидят как обычно за круглыми столами в аудиториях, а мы стоим на сцене, а у нас мероприятие называется даже не круглый стол, а дебаты. Тема наша сегодня «Культурная политика между свободой личности и интересами общества». Я представлю сейчас наших участников.

Виталий Владимирович Аверьянов, заместитель председателя Изборского клуба.

Владимир Евгеньевич Хомяков, руководитель движения «Народный собор», сопредседатель, и в прошлом член Общественного совета при Министерстве культуры.

Юрий Викторович Рязанов, председатель кинофорума и фестиваля «ВВЕРХ», продюсер.

Иосиф Евгеньевич Дискин, председатель Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты РФ

Борис Борисович Надеждин, президент Института региональных проектов и законодательства

Иван Сергеевич Преображенский, политолог, европейский обозреватель "Росбалт", колумнист издания "Deutsche Welle"

Формат нашей работы будет такой. У нас есть шесть участников. У каждого, наверное, есть свое мнение по теме, которую мы сегодня обсуждаем. Как вы понимаете, вопросы культурной политики, каких-то границ в этой политике, того, кто в ней устанавливает нормы, и должны ли эти нормы вообще кем-то устанавливаться, он очень философский. Мнения могут быть разные. Поэтому мы сегодня, думаю, услышим очень разные на этот счет соображения, может быть, даже поспорим в чем-то друг с другом. Но я надеюсь, что в целом все мы, конечно, хотели бы, чтобы культурная среда вокруг нас была не деградирующая, а напротив, куда-то нас всех тянула к разумному, доброму, вечному. Чтобы, делая что-то в этой среде, мы уважали друг друга. Надеюсь, наша дискуссия тоже этому сегодня поспособствует.

Вопросы у нас такие. Начнем вот с чего.

Часто, когда говорят о культурной политике, то говорят сразу очень резко: «Нужна ли вообще какая-то цензура?». Понимают под этим все, как я выяснила, готовясь к нашему сегодняшнему мероприятию, совершенно разное. Кто-то считает, что цензура – это когда государство каким-то образом что-то регулирует в культурной сфере. Кто-то считает, что

цензура – это некие нравственные нормы, которые каким-то образом должны учитывать авторы, авторы художественных произведений, то есть ограничения носят общественный характер, а кто-то считает, что цензура как таковая вообще не имеет никакого права на существование, поскольку художник изначально свободен, и это явление из разных сфер. Искусство – сфера свободной реализации, самых высоких творческих устремлений человека, и какие-то нормы, регулирование – это две вселенные. Есть и такое мнение.

Я хотела дать слово начать Юрию Викторовичу Рязанову, который скажет несколько слов своих соображений.

Юрий Рязанов: У нас форум экономический. Наверное, все мы с интересом и завистью смотрим на Китай, который за последние 10 лет очень динамично развивается. Я называю «экономическое чудо Китая», в чем? Во-первых, уважение к производству. Это в принципе потому что было сделано низкие налоги, примерно 20%. И сегодня 20% сделал, кстати, и Трамп. Но этого мало. Кроме этого почему-то не замечают, что в Китае кроме серьезной экономической политики серьезнейшая есть цензура. У них свой интернет. Я считаю, что неотделимо экономическое чудо Китая от правильной, пусть культурной или идеологической политики. Китай закрыл полностью интернет, там слово «целомудрие» не вызывает смех. У нас сегодня слово «целомудрие» и то, что творится в интернете – это... У нас статья 241-я, Закон «О распространении порнографии». У нас сегодня если 8-летний ребенок в «Яндекс» наберет «обнаженная девушка», а все мальчишки... Что делает школа? «Делайте уроки». И там такие примеры в интернете, что папа и мама скажут: «Иди в интернет, посмотри. Мы этого не знаем». Первый класс. Мы загоняем сами с помощью школы, с помощью родителей детей в незащищеннейший интернет. И, естественно, мальчик и девочка после того, как сделают уроки, наберут. Этого не было еще год назад. Понимаете? Может быть, я сумасшедший, но этого не было. Сегодня «Яндекс» распространяет не просто порнографию, а содомскую порнографию.

Представляете, мы живем в Содоме и Гоморре, и говорим: «А какой у нас будет ВВП? 10-15-20%?». Почему ураганы возникают, например, в Таиланде? Сейчас мировое напряжение очень сильное. Я верю, что Россия будет спасена. 100 тыс. минимум заходит ежедневно. Сделать это очень просто. И почему-то никто этого не говорит.

Возьмите за месяц, кто говорит о том, что надо закрыть интернет, хотя у нас сегодня все сделано, статья 241-й «Распространение порнографии». Она не работает, по этой статье никто не наказан.

Реплика: Как это не наказан?

Маринэ Восканян: Вы считаете, что в интернете, к сожалению, нет возможности ограничить такую информацию.

Юрий Рязанов: Я считаю, Советский Союз выжил и добился всех успехов, что были фильмы до 16 лет, и контроль не пускал. А сегодня интернет – такая же общественная площадка, и сегодня дети не смотрят телевизор, не ходят в кино, а все сидят в интернете. Понимаете? Там нужно навести порядок. Это несложно сделать.

Маринэ Восканян: Кто хотел возразить?

Иосиф Дискин: Давайте в таком вопросе, как культурная политика, не размахивать руками, а действовать аккуратно. Прежде всего, давайте отделим мух от котлет. Конечно, Владимир Ильич Ленин виноват перед нами очень сильно, когда сказал, что искусство принадлежит народу. Искусство не принадлежит народу, а народу принадлежит художественная культура. И культура родилась... Собственно человек как социальное существо родился одновременно с культурой, просто вырабатывались нормы, правила. Трансляция этих норм и правил составляет культуру. Потом сообразили, что существуют экспрессивно-выразительные средства, которые делают усвоение этих норм прочнее, надежнее и так далее. Так выделилась художественная культура. Сначала она была частью религиозной жизни, потом в Греции она вдруг стала частью... Культура, что бы мы ни делали, будет существовать.

Второе. Художественная культура живет по одним законам, а искусство живет по другим законам, и пока мы не поймем, что это два разных института, живущих по... Искусство живет по законам иску... традиций, и там есть эксперты, есть те, кто представляют и так далее, и здесь обществу делать нечего, есть профессиональная среда.

[00:10:58]

Общество говорит: «Ребята, не калечьте». Когда включается общество? Когда начинается общественное функционирование продуктов искусства и культуры.

Маринэ Восканян: То есть когда кто-то их может увидеть?

Иосиф Дискин: Давайте дадим возможность свободно художнику творить, но когда он выходит на широкую аудиторию, тогда общество имеет право высказываться по тому, к каким общественным последствиям приводит это функционирование.

Я очень во многом разделяю озабоченность о нравственном состоянии нашего общества, но только надо понимать природу того, что происходит. Художественная культура – одна история. Средства массовой информации – это специфически функционирующая история, и

каждый должен судить по законам, им самим над собой поставленным. В искусстве одни нормы закона и представления, в художественной культуре другие нормы закона и представления, в массовой коммуникации третьи. И когда говорят, что это не работает – аккуратнее надо, коллеги. Существует механизм. Есть проблема правоприменительной практики. Давайте отлаживать с тем, чтобы те щели, в которых СМИ допускает порнографию, нарушение действующего законодательства и так далее, закрывать эти вещи, но давайте поймем, каковы последствия того, что наше общество сегодня вдруг примет нормы, которые действуют в Китае. Нам что, только социально-политических напряжений дополнительных не хватает? У нас все-таки другие задачи. При этом конопатить эти щели надо. Это дело не столько государства, сколько гражданского общества.

Наша комиссия, например, чем занята? У нас есть проблема – распространение в интернете псевдорелигиозного экстремизма и так далее. Работает система, где люди обращаются, информируют нас, мы работаем с информнадзором, закрываем сегодня... В ближайшие дни будет принят закон, который позволяет в оперативном порядке закрывать соответствующие сайты. Но тех конкретно людей, которые нарушают закон, они должны отвечать по закону.

Не надо размахивать руками, надо действовать очень профессионально, понимая, что искусство – это одна история, и там никакой цензуры не надо, там разберутся художники сами собой. Когда это выходит в общественную среду, то это другие законы, другие критерии. Там должны быть, прежде всего, общественные механизмы, саморегулирование. А закон должен вставать последним бастионом в случае того, когда это не работает.

Маринэ Восканян: Когда совсем идет радикальное нарушение.

Иосиф Дискин: И третье – это СМИ. От свободы интернета отказываться – не резон, а обеспечить, что эксцессы, действия СМИ должны наказываться, выявляться, и люди при необходимости, на них надо надевать наручники, потому что это враги российского общества.

Маринэ Восканян: Коллеги, сейчас мы высказываем первое актуальное видение.

Есть разные аспекты. Есть вопрос технический, то есть ограничение от вещей, которые уже являются нарушением законодательства, и есть немного другой аспект. Мне кажется, Юрий Викторович имел в виду тоже немножко другое, когда мы говорим о каком-то нравственном климате в нашем обществе.

Виталий Аверьянов: Начну с возражений. Мне кажется, жестко разделить художественную культуру и искусство в плане законов, что у искусства свои законы, у художественной культуры свои – это примерно то же самое, что жестко разделить (простите за грубую метафору) систему МВД и систему ГИБДД. У ГИБДД свои законы, а у МВД свои.

Иосиф Дискин: Так и есть. Есть правила дорожного движения.

Борис Надеждин: А еще есть ФСБ.

Виталий Аверьянов: Один из самых простых способов уйти от дискуссии в демагогию – это разделить проблему на несколько частей. Например, разделить культуру на художественную, на искусство, на бытовую культуру и на СМИ.

Иосиф Дискин: Хамить не надо.

Виталий Аверьянов: Я не хамлю, я концептуальную вещь говорю. Кстати говоря, это моя профессиональная, профильная тема. Могу сказать, что культура – целостное явление, оно дифференцируется в разных отраслях общества, но если у нас есть некая болезнь в культуре, и болезнь, связанная с динамикой культуры, то она проявляется во всем: и в СМИ, и в художественной культуре, и в эстетике, и в бытовой культуре, и в интернете. И жестко здесь отделить СМИ от, скажем, искусства очень трудно, потому что этот вирус разложения, деградации, который очень далеко зашел, очень сильно поработал в России за последних 30 лет, он поражает не по принципу «я зайду в область эстетики или в область быта», а поражает и там, и там, поражает ментальность. Тема дебатов в «Политика в области художественной культуры» и не «Политика в области культуры», а «Культурная политика», это целостный подход. Давайте так и подходить.

Теперь насчет темы. Стартовые условия, тот контекст, в которого мы живем, они настолько неблагоприятны, что здесь не может быть никакой благодушной позиции, что «Все не так плохо. Давайте что-то подрегулируем, какие-то законы начнут работать лучше, и все наладится». В нашей культурной политике изменения происходят. При министре Мединском принята новая стратегия государственной культурной политики в 2016 году, где даже появились такие выражения как традиционные ценности, что раньше было трудно представить. Но в целом этот подход остается глубоко паллиативным, компромиссным, половинчатым (имею в виду официальный подход нашего правительства, тех органов, которые управляют культурой), а общество в целом находится в состоянии хаоса и распада. Оно расколото на части, которые противостоят друг другу. И в этих условиях от государства зависит очень многое.

Когда нам говорят, что есть какие-то цивилизованные страны – пусть не Китай, или США, или Британия, или Бельгия, – где есть культурная политика, давайте посмотрим, как она устроена (нам так говорили все 30 лет), и будем какие-то удачные законы, какие-то нормы оттуда рецептировать. Но тут возникает этот вопрос: а состояние нашего российского общества вообще коррелирует с состоянием общества там?

Приведу пример вообще из другой области. У нас не так давно был принят Закон «Об НКО». Многие говорили: «В США тоже есть закон об НКО». Многие либералы возражали на это, говорили: «Вы понимаете, что в США закон об НКО работает совсем по-другому. Вы отстаете от жизни, от прогресса, от того, что сейчас в мировом тренде». Но дело в том, что ситуация, которая сложилась в России несколько лет назад, когда был принят этот закон, она больше напоминает то, что было в США в 1930-е годы, когда этот закон принимался. Когда мы что-то берем на Западе, нам нужно сначала посмотреть, что оттуда в стадиальном плане нам соответствует. Соответствует ли стадия становления нашего государства после революции 1991 года современному состоянию западных государств? Да конечно нет. Иными словами, нужно быть очень мудрыми, если мы что-то где-то пытаемся взять, в области культурной политики в том числе. И, безусловно, необходимо выработать свой собственный оригинальный своеобразный подход, отвечающий данному моменту, а вовсе не надергать что-то у других культур и цивилизаций.

[00:20:26]

Маринэ Восканян: Ваша позиция примерно понятна. Я хотела обратиться к Борису Борисовичу. Затронули очень серьезную тему. Ведь интернет же не роботы делают, а люди делают все то, что в нем находится. Это серьезный вопрос – где эти пределы свободы человека? Каждый это понимает по-разному. Для одного это нормально, что он смотрит, а для другого это что-то страшное, ужасное. С вашей точки зрения, как найти этот баланс? Я не говорю, что для всей нашей планеты, но, может быть, для нашего родного государства.

Борис Надеждин: Сначала несколько слов в защиту порнографии. Дело в том, что есть у человека потребности определенные, и я хорошо помню свое советское подростковое детство. Мне было 14-15 лет, пионерский лагерь, девочки. У меня гормоны бурлят, а интернета нет. И я был вынужден залезать куда-то в баню, где они мылись, исцарапал все коленки, смотрел на все это. Ужас просто.

Маринэ Восканян: Речь шла про детей, а не про взрослых людей, у которых есть потребности. Давайте не будем передергивать здесь.

Борис Надеждин: Да это нормальная история. Вот сидят молодые девушки. Девушки 30 минус, их много, красивые сидят. Честно между нами поднимите руку те из вас, кто ни разу не смотрел порнуху.

Маринэ Восканян: Юрий Викторович, про восьмилетних детей шла речь, а не про девушек. Я вам хочу еще раз напомнить. Давайте будем придерживаться нашей логики. Речь шла именно про то, что дети могут увидеть.

Борис Надеждин: Теперь по существу вопроса. Я считаю величайшим достижением в первую очередь европейской цивилизации, к которой и российская принадлежит, учитывая особую духовность и так далее, мы дожили до тех времен, когда никто не заставляет никого ни ходить в церковь, и не запрещает ходить в церковь. Вы хотите ходить в церковь? Ходите. Я с вами душой. Я сам хожу в церковь, на Пасху пойду, и дети у меня все крещеные. Но не хотите ходить в церковь – и не ходите. Я не буду за шиворот вас тащить туда.

То же самое. Вам не нравится порнография? Дам вам совет – не смотрите.

Маринэ Восканян: Речь шла о том, что ребенок это может увидеть.

Борис Надеждин: Теперь касательно детей и закона. Я многолетний отец, у меня дети в возрасте от 4 до 35 лет, их очень много, все время рождаются почему-то. Может быть, потому что я в пионерском лагере хорошо подготовился. Могу сказать, что это проблема точно не Путина и, при всем уважении, не председателя комиссии по культуре, что смотрят мои дети. Это моя проблема. И когда моим младшим сыновьям 4-6 лет, я им, конечно, ничего такого не рассказываю. А дочери, которой 16 лет, я считаю своим долгом – точнее ей мама рассказывает, как оно все устроено. Потому что мне в свое время никто не рассказал, и первый ребенок у меня родился в 17 лет. Понимаете, в чем дело? Поэтому это история интересная очень.

И я считаю, что здесь ответ простой: если нет насилия, если вас никто не заставляет, не принуждает к чему-то – да ради бога, нет никаких проблем. А что касается детей – да, их надо защищать, но это ответственность полностью их родителей. Да, есть дети, у которых нет родителей, это государство, органы опеки и так далее. Боже вас упаси.

Теперь – не могу молчать – пару слов про Китай. Китай как раз добился своего роста ровно потому что он привлек те инновации, которые придумала европейская цивилизация: рыночную экономику, движение капитала, частную собственность и так далее. В XV веке Китай был куда более развит чем Арабский и Европейский мир. Китайский флот был

мощнее флота Колумба на порядок. А потом Китай взял и закрылся, а в это время Европейский вырос.

Реплика: Он стал колонией, прежде всего, его обирали, и две войны были, 200 лет смуты.

Борис Надеждин: И Китай имели все, кто хотел, включая монголов, Российскую империю и так далее. Потому что они закрылись от мира. Сейчас, слава богу, у них ума хватило открыться, поэтому они растут, потому что их много, китайцев. А если вы всерьез думаете, что можно сохранить какие-то ценности, запрещая что-то, вы ошибаетесь. Все развитие цивилизации показывает, что как только вы стараетесь ограничить развитие и все закрыть, вы тактически, может быть, и выиграет, и начальство будет радоваться у нас стабильности, все нравственные ходят рядами со скрепами в руках, а потом вы проиграете конкуренцию с более открытыми обществами, что случилось с Советским Союзом.

Доклад закончил. А так я за культуру.

[00:25:10]

Владимир Хомяков: Моя позиция более прагматична. Я не буду спорить с предыдущим выступающим, что человек имеет право, что он свободен смотреть или не смотреть. Но я напомню, что когда сторонники нашего движения в Питере и другие люди боролись за запрет пропаганды гомосексуализма и прочего для детей, мы слышали точно такие же возражения. Они говорили: «Ну, не хочешь – не смотри. Если не хочет твой ребенок, если у тебя правильно воспитан, то он это не воспримет», и так далее. Это слабенькая аргументация. Я хочу переключить ваше внимание на то, что мы хотим о культурной политике, а не просто нужна цензура или не нужна, запрещать или не запрещать. И в этом смысле я немножко больше, чем некоторые наши коллеги, здесь выступавшие, в курсе вопрос, потому что я входил в рабочую группу Общественного совета при Минкультуры, которые готовили предложения министерству в тех самых основах государственной культурной политики. И там я впервые абсолютно шокирован был тем, что культура у нас к какой сфере относится? К сфере платных услуг. Культура – это платные услуги. Условно говоря, шашлычная, массажный салон с девочками и Большой театр – это отделения одной сферы, они относятся к одному. И при таком изначально неправильном подходе к культуре мы притыкались на каждой мелочи. Если этот вопрос решить, рано или поздно, что такое есть культура и для чего она нужна, многие вопросы отпадут сами собой.

Что такое государственная политика в отношении культуры и в отношении всего, чего угодно? Это не означает запрет на все, что нам кажется неправильным. Государственная политика, и тот же самый Мединский сегодня упомянутый, он сказал: «Пусть расцветает

100 цветов, но поливать будем только те, которые соответствуют нашим ценностям». Это подход нормальной государственной культурной политики. То есть запрещай, не запрещай, но и поддерживать будем только то, что соответствует определенным государственным ценностям, которые мы считаем правильными, которые государство считает правильным. Это нормально, это вменяемо, абсолютно не противоречит никакому закону.

Давайте не будем забывать о следующем. Наша русская цивилизация... Я не согласен с господином Надеждиным, что мы часть европейской цивилизации. Мы цивилизация отдельная. По крайней мере я и Владимир Владимирович Путин так считаем, что мы государство-цивилизация. Возможно, мы ошибаемся. Тем не менее, это отдельная цивилизация, русская, евразийская, тысячелетняя и так далее. Но давайте заметим, что у западной цивилизации принципиально перевернута пирамида приоритетов ценностей, которая существует у всех традиционных цивилизаций. А именно, в нормальной цивилизации сначала идут некие ценности и смыслы, определяющие целеполагание развития этой цивилизации, то есть зачем мы развиваемся, ради чего живем. Потом идет культура и общественные отношения. И уже потом на этом строится материальное производство и система потребления. В западной же цивилизации все наоборот: сначала выстраивается система производства и потребления, исходя из нее как одна из сфер услуг выстраивается культура, общественные отношения выстраиваются, исходя из нее, а уже потом деятели культуры, идеологи придумывают некие ценности, которые оправдывают этот порядок вещей. Такие два принципиально разных подхода. Поэтому мы по-разному воспринимаем роль культуры в этом обществе. Начиная с 1990-х у нас именно перевернутая система ценностей существует в стране, и она до сих пор в значительной степени, процентов на 80, существует по сей день, потому что многие эти вещи не изменены. Соответственно, государственная культурная политика упирается в такие вещи, как свобода творчества.

Если наша культура зиждется на неких ценностях и смыслах, присущих нашему цивилизационному коду, завещанному нам от предков и так далее, тогда понятно, что она нацелена на воспитание человека, причем воспитание человека именно в контексте этих ценностей. Если культура является одной частью общего свободного рынка, а именно платные услуги, тогда на рынке любая вещь и любой из нас – это либо продавец, либо покупатель, либо товар. Если культура товар, тогда никаких ограничений быть не может. Предлагай товар, есть потребитель, и пойдём вперед. Но куда придем, ребята, что построим? Об этом я рекомендую задуматься в том числе нашим оппонентам.

Маринэ Восканян: У нас в целом остался один участник, который еще не высказал свою позицию. Иван, я хотела бы дать вам слово. Владимир Евгеньевич говорил про Европу, про разное восприятие цивилизаций.

Иван Преображенский: Я говорил не про Европу. Я говорил про разницу в понимании культуры у двух цивилизаций. Какую из них мы выберем, такой и будет государственная культурная политика. Это невозможно выбрать. Представление о том, что можно выбрать цивилизацию – это величайшее заблуждение. Это надо был говорить господину Ельцину и компании в 90-х.

Маринэ Восканян: Все-таки давайте мы будем придерживаться какого-то регламента, иначе мы будем похожи на те самые телепрограммы, которые мы все так критикуем ввиду низкого уровня их культуры. Иван, вы на данный момент живете в Европе. При этом вы человек, который родился и почти всю жизнь жил в России. Вы можете сравнивать. С вашей точки зрения европейский подход к этим вопросам. Как регулируется сфера культуры и вообще вот эти представления о том, что допустимо, что недопустимо в культурной и информационной сфере? Что вы можете нам рассказать про какой-то опыт наших европейских соседей.

Иван Преображенский: Спасибо, Маринэ. Я, к сожалению, как и все с этой стороны все равно буду вынужден начать с Китая, потому что все началось с Китая. Древнейшая цивилизация. Несколько слов я все-таки скажу, потому что в отличие от коллег по-китайски я говорю. К сожалению, коллеги не в курсе того, как строится китайская культурная жизнь сегодня. Есть очень простой анекдотический пример. Одно из самых распространенных коммунистических слов «товарищ», «**тунджи**» [00:01:56], сегодня на молодежном жаргоне обозначает представителя сексуальных меньшинств. Поэтому оно практически полностью ушло из обихода и вернулось слово господин, которое используется повсеместно, даже на партийных мероприятиях.

Переходя к тому, о чем начал говорить, но к сожалению, не продолжил господин Дискин. Принципиальный вопрос любой цензуры, а под цензурой я в данном случае подразумеваю однозначно не общественное вмешательство, а то, о чем говорили коллеги, то есть призыв государства к себе на службу для того, чтобы подавить тех, кто делает что-то, что нам не нравится. Очевидно, речь шла об этом.

Любая цензура приводит к созданию контркультуры. Эта контркультура сейчас очень сильна в Китае. Это контринтернет против закрытого китайского интернета, это контркультура, которая находится за пределами Китая и продолжает влиять на Китай, и на которую Китай уже повлиять не может, потому что эта культура выдвлена за пределы формально контролируемого периметра.

То, о чем вы говорите, уважаемые коллеги, может быть, это слишком сильное сравнение, но глобально это культура концлагеря, периметра. Мы создаем периметр и охраняем нас от любого проникновения чего угодно. После этого любой самый слабый вирус, который попадет в этот периметр, будет для нас страшнее бубонной чумы.

Переходя к Европе. Европейский пример принципиально отличается от китайского, и от того, о чем мы говорим. В Европе контркультура уже достаточно давно не продуцируется в таком виде. Контркультура не разрушает культуру. Европейская культура достаточно гармоничная. Любое явление, если на него есть спрос – и неважно, коммерческий это спрос или некоммерческий – любое талантливое явление пробивает себе дорогу. Это происходит не сразу.

В первую очередь, и об этом господин Дискин говорил совершенно правильно, это происходит на экспертном уровне, на уровне тех, кто понимает искусство и создает искусство. Это отнюдь не те люди, которые потребляют искусство. Люди, которые создают искусство, чаще всего очень серьезно отличаются, в том числе своей креативностью, способностью создавать искусство. Борясь с тем, что они создают, мы по сути дела боремся с искусством.

Европейский подход состоит в том, что экспертное сообщество является носителем традиционных ценностей. Действительно традиционных, а не тех, коллеги, которые вы выдумали в последнее десятилетие и пытаетесь навязать российскому обществу.

[00:05:00]

Традиционная российская ценность – это, например, свободный аборт, за последние 100 лет – это традиционная российская ценность. Любой опрос вам это покажет. Большинство населения эту идею поддерживает. Это право на аборт. Это социология, а не вранье. Вы можете оставаться при своем мнении. Я тоже против абортов. Но вопрос не в этом, вопрос в объективности. Западное сообщество существует приблизительно следующим образом. Искусство, так или иначе,

создается без цензуры. На следующем этапе, на этапе коммерциализации этого искусства, оно либо получает спрос, либо остается закрытым искусством для небольшого количества ценителей.

Возможно, через десятилетие оно становится мейнстримом, но на настоящем этапе общество не готово, и оно его не принимает. Ему не требуется создавать цензурные инструменты или применять законы. В случаях, когда возникает противоречие с действующим законодательством, то есть угроза существованию общества настолько серьезная, хотя это очень редкий случай, чтобы искусство могло создать такую угрозу.

Речь всегда будет идти не об искусстве. Коллеги недаром все время сваливаются в политические разговоры. Я как политолог очень четко чувствую разницу между политической культурой и культурной политикой. Коллеги постоянно говорят не о культурной политике, а о проведении культурной революции. Именно поэтому у нас здесь всплыл Китай. Культурная революция, потому что общество уже сложилось, и оно может, как западное сообщество, постепенно эволюционировать. Мы можем на это влиять. Или оно может оказаться в состоянии вот этого периметра, закрыться и с культурной точки зрения креативно просто умереть, исчезнуть с карты этой планеты.

Мужчина: Не культурная революция, а культурная контрреформация. Не надо собственные оценки вменять коллегам.

Иван Преображенский: Существует альтернатива между эволюционным развитием как в странах Восточной, Центральной, Южной и Западной Европы, которые отличаются друг от друга ничуть не менее серьезно, чем Россия от Германии или Россия от США. Разница венгерского восприятия права на свободу культуры и шведского восприятия культурного творчества очень серьезная. Тем не менее и там, и там цензуры не существует.

Маринэ Восканян: Коллеги, я выслушала ваше достаточно развернутое мнение. К каждому из вас меня есть небольшие уточняющие вопросы. Я хотела бы их задать, и потом мы пойдем дальше.

Юрий Викторович, вы говорили о том, что надо как-то оградить от нежелательной информации детей. Вы говорили об интернете. То есть вы говорили о пространстве, в котором контент формируют все, далеко не профессионалы, то есть не художники

и не государство. На данный момент каждый из нас может что угодно снять, написать и туда отправить.

У меня в этой связи возник такой вопрос. Вам не кажется, что у этого явления есть другая не менее важная сторона. С одной стороны, от того, что уже произведено, чего-то нехорошего, надо кого-то оградить. С другой стороны, есть вопрос, почему все это порождается. Ведь кто-то это все делает.

Борис Борисович, речь там не идет про ролики, которые вы хотели посмотреть в 14 лет, речь идет про ролики, где людям отрезают голову. Что можно сделать для того, чтобы уменьшить возможность того, что люди это продуцируют. Ведь это же тоже вопрос. Кто это все создает? Какое ваше мнение по этому поводу?

Борис Надеждин: Прозвучало много вопросов. Давайте я постараюсь раскрыть глубину проблемы, почему это существует, почему порносайт – это не маленькая, микробная часть нашей жизни, а это огромная часть. Я сейчас постараюсь объяснить.

Маринэ Восканян: Давайте не будем углубляться в такие сферы.

[00:10:00]

Я задала вопрос в более широком смысле. Я имею в виду, что в интернете мы можем найти массу информации, которая носит характер ненависти по национальному признаку, по религиозному, какие-то призывы к агрессивному насилию, как правильно совершить самоубийство или террористический акт. Там есть масса информации, которую кто-то сознательно туда помещает, прекрасно зная, какие последствия это будет иметь. Что можно сделать, чтобы уменьшалось вот это?

Юрий Рязанов: Сделать интернет российским, это один месяц работы и стоит 10 млн рублей. Кроме порнографии есть еще много других негативных явлений. Я сам был ребенком, в 8 лет всех интересует другой пол. И первое, что люди наберут в «Яндексе» это «обнаженные девушки». Тогда этого не было. Я отложил это на 12 – 14 лет. Впервые я увидел порнооткрытки. Я был штангистом, поехал на соревнования, и мальчишка, который нас сопровождал, всем показал эти черно-белые открытки. Вся наша команда забаранила. Что такое забаранить? Получил, но не поднял свой вес. И ты не знал, что произошло. Нам никто не сказал.

Маринэ Восканян: Юрий Викторович, вы рассказываете какие-то вещи из жизненного опыта. Вы все-таки говорите о том, что люди могут что-то найти. Но я вам задала другой вопрос. Если вы не готовы на него ответить или он вам кажется не очень интересным, я его переадресую кому-то из наших коллег. Я хотела бы вернуть слово Иосифу Евгеньевичу.

Борис Надеждин: Коллеги, для того чтобы немного прояснить то, как строится политика, я хочу привести одну историю. Кромвель победил в гражданской войне. Первое, что он сделал, разогнал долгий парламент. Почему? Коррупционеры, мерзавцы и так далее. Он решил, что руководить страной должны люди нравственные. Где он их мог брать? Военные капелланы, которые точно доказали, что они за веру готовы жизнь отдать.

Собрал административный ресурс, собрал парламент. Те первым делом приняли решение: в соответствии с божьими заповедями ликвидируем лихву, процент по кредитам. На следующий день деньги в стране исчезли. Кто же будет давать деньги? Прошло две недели. Страна оказалась на грани экономического краха. И Кромвель ввел фузилеров в парламент со словами: «Эти идиоты еще хуже тех мерзавцев».

Поэтому старый принцип, что благими намерениями выложена дорога в ад, хорошо подтверждается. Почему так важно иметь профессиональное понимание? Все проходили уроки физики и понимают, что регулирование воздушной среды осуществляется по одним законам, водной среды по другим законам, плазмы по третьим законам. Те, кто не понимает специфику этих законов, очень дорого за это платят. Это к вопросу, что эти идиоты еще хуже тех мерзавцев.

Первое, что нужно, это разобраться, что мы хотим регулировать. Вопросы творчества – одна история, вопросы общественного функционирования и культуры – другая история. Я с Борисом не согласен, потому что люди слабы, рассчитывать на то, что родители обеспечат надежную защиту, это эмпирически не оправдывается. Мы не первые здесь. Я думаю, что многие были в этом месте. Есть великий музей, археологический музей в Неаполе.

[00:15:00]

Это раскопки Помпеи. Со всего мира приезжают люди. Идешь и видишь шедевры искусства, а потом натыкаешься на стену с вот такими прутьями, где написано, что дальше находятся экспонаты, которые могут оскорблять ваши нравственные чувства,

детей без сопровождения родителей нельзя, а вы еще подумайте. Что там находится? Там находятся артефакты сексуальной жизни, которые исповедовали римляне, которые жили несколько иначе. Кто хочет, приходит, но стена стоит. Кто субъекты решения? Это общество. Его консолидированные нравственные представления. У нас очень здоровое общество. Не надо на него лишнего... Оно дезориентировано и так далее.

Виталий Аверьянов: Я постараюсь отреагировать и на то, что сказал господин Дискин, и на вопрос об интернете. Сначала я отреагирую на то, что было сказано по поводу государственного регулирования. Во-первых, субъектом регулирования должно быть не только государство, должно быть общество, должны быть институты общественные, институты развития, как их сейчас называют среди тех экспертов, которые формируют государственную культурную политику.

Вопрос в том, что цензура применима только в очень узких сферах. Я бы сказал в прямолинейно-лобовых, это запретить или не запретить. Цензура – это запрет на мат, на сцены насилия, на порнографию. Цензура может быть введена в каких-то определенных сферах, наиболее чувствительных для общества. Но в других сферах она не может применяться. В частности в сфере искусства. Там другие меры регулирования. Там могут быть художественные, общественные, экспертные советы, которые конечно же, нужно сегодня поднимать и насыщать теми людьми, которые не только хорошо разбираются в том, что такое искусство, но и которые хорошо понимают, в чем национальная культурная политика. Нам эту национальную культурную политику предстоит вместе формировать в ближайшие годы.

И государственная, и национальная культурная политики в итоге смыкаются в моем гипотетическом видении. И вот эти советы должны этим руководствоваться. У меня могут спросить, где взять цензоров, есть ли у нас кадры? Я уверен, что они есть. «Изборский клуб» очень много ездит по стране. Мы общаемся с нашей интеллигенцией. Может быть, это не относится к столичной богеме, но провинциальная гуманитарная интеллигенция, и не только гуманитарная, сегодня настроена весьма консервативно. Они могут хорошо воспринять вот эти послы, о которых наша страна сегодня говорит. Теперь несколько слов по поводу интернета.

Маринэ Восканян: И все-таки я хочу услышать ответ на мой вопрос. Что вы думаете не по поводу мер какого-то запрета, ограничения, а вот с другой стороны, то есть мер воспитания человека.

Виталий Аверьянов: Я именно об этом хотел рассказать. Последняя наша поездка была в Александров и Переславль, Владимирская и Ярославская области. Мы посетили Свято-Алексиевскую пустынь, настоятель которой отец Петр. Это потрясающее место. Я всем рекомендую там побывать.

Что это такое? Это не просто монастырь, там монахов немного. Это в первую очередь классическая гимназия, кадетский корпус и техническое училище, объединенные в рамках православной общины. У них свое хозяйство. Но это не главное. Главное, что все без исключения выпускники классической гимназии поступают в вузы. Программы Министерства образования там соблюдаются, но при этом дается классическое образование, я бы сказал гибрид российского имперского и советского образования. На территории этого комплекса 30 музеев высочайшего класса, огромная библиотека, полмиллиона томов. Самая крупная частная библиотека в России. Когда я оказался в читальном зале, я доктор наук, мне захотелось там остаться жить, потому что это ощущение царствия небесного.

[00:20:05]

Познание сокровищ, пиршество духа. Так вот, насчет интернета. Отец Петр рассказал нам, как воспитываются курсанты, лицеисты. Там у подростков и детей нет интернета. Они поступают, в том числе в технические вузы, в МФТИ, в Бауманку. Не в смысле, что они отрезаны от интернета. Просто там по правилам данного лица интернет не положен. Я из своего опыта могу сказать, что хорошо образованный человек с хорошим средним образованием способен как пользователь освоить компьютер за несколько месяцев, интернет – за один месяц.

Хорошо образованный человек со средним образованием способен даже обогнать в области программирования тех людей, которые у нас в школе изучают программирование с 1 класса. Это мое мнение. Я хочу подчеркнуть, что мы во многом живем в сфере мифа о том, что информационное общество требует постоянного просветительского импульса. То среднее образование, которое мы потеряли в 90-е годы, которое мы до сих пор не можем восстановить, дает человеку гораздо больше. Оно способно не заменить интернет, но подготовить его в том числе к **этому пути [00:21:39].**

Маринэ Восканян: Мне кажется, что противопоставлять образование и интернет – очень умозрительная идея. Борис Борисович, как вы смотрите на то, что такие завалы информации должны быть доступны людям.

Борис Надеждин: Я учился на физтехе МФТИ, 20 лет руководил кафедрой. Поэтому для меня это интересная мысль, что на физтех может поступить человек, который все больше Богу молился, а физику и интернет как-то мимо.

Маринэ Восканян: Виталий Владимирович говорил совсем не про это. Я прошу вас не передергивать.

Борис Надеждин: Я с уважением отношусь. Когда вы сказали, что у них там кадетское училище...

Виталий Аверьянов: В том числе.

Борис Надеждин: А у отца Федора какое звание?

Виталий Аверьянов: Отца Петра. Он игумен.

Борис Надеждин: Нет, я имею в виду звание вот это у него есть?

Виталий Аверьянов: Нет, у него нет. Он по образованию искусствовед.

Борис Надеждин: Но кадетское училище есть?

Виталий Аверьянов: У него в этом кадетском училище есть свой директор. Зачем отцу Петру быть в погонах? Тут одна из самых больших для меня загадок – это кадетские училища при монастырях. В этом есть какая-то мистика, большая религиозная тайна.

Маринэ Восканян: Коллеги, это не наша сегодняшняя тема – обсуждать различные образовательные структуры. Борис Борисович, я вам задала вопрос, касательно каналов информации. С вашей точки зрения действительно ли человек может быть так воспитан, чтобы все каналы информации, даже если абсолютно открыты, тем не менее никакого вреда ему не нанесли. Он в состоянии сам это отрегулировать.

Борис Надеждин: Я знаю такого человека. Это я.

Маринэ Восканян: Есть мнение, что что-то надо ограничивать. Я так понимаю, что вы считаете, что человек сам в состоянии вот это все отрегулировать.

Борис Надеждин: Большая часть моей жизни прошла в советской стране. Я хорошо помню, как меня и комсомол, и школа, и пионерские организации все время куда-то вели, к чему-то призывали. Я был очень дисциплинированным пионером, комсомольцем, верил во все это. В какой-то момент человек должен вырасти.

Здесь сидят взрослые люди, у каждого своя система ценностей. Я очень уважаю религиозные, православные системы ценностей. Они существуют. Каждый человек, исходя из этого, сам решает. У меня уже лет 30 нет потребности в какой-то инстанции, в которую я приду и скажу: «Отец, я тупой, неразумный. У меня черные стремления. Я боюсь ошибиться. Дай мне совет, мне читать эту книгу или нет». Мне кажется, каждый взрослый человек сам разбирается. Такая потребность может быть. Я вполне допускаю, что есть люди, которым действительно нужно советоваться со священником в нравственных вопросах. У меня большая просьба к тем, кто планирует во имя важных общественных целей ограничивать мое право на получение информации. Не делайте этого, пожалуйста.

[00:25:38]

Вот детям своим ограничивайте. Я только за. Если у уважаемого мной Вассермана есть такая потребность в ограничении, ограничивайте его. Не вопрос. Меня только не трогайте. Спасибо!

Владимир Хомяков: Ключевой фразой в выступлении предыдущего выступающего, господина Надеждина, было то, что у каждого своя система ценностей. Пока у нас будет этот бардак, пока у нас в стране не будет общей системы ценностей, которая в целом поддерживается государством... у каждого своя ценность, у каждого свое добро и зло, у каждого свое можно или нельзя, у каждого свое хорошо или плохо. До тех самых пор при отсутствии государственной идеологии в государстве у нас будут происходить такие вещи. Что касается цензуры.

О глобальной цензуре никто речь не ведет. Я достаточно осторожно отношусь к возможности каких-то ограничений в интернете, потому что это серьезная сеть, которая изначально задумывалась отнюдь не как территория свободы, а как возможность управления огромными массами людей через создание контента. Почитайте книжку, которая называется «Нетократия», 2004 год. Там все это очень четко написано. Еще тогда задумывалось.

Я о другом. Я говорю о том, где реальная цензура и в каком виде она реальна. Разумеется, никто не вправе ограничивать права свободного художника прибавлять свои гениталии к паркету в своей собственной квартире. Но если он прибавляет свои гениталии к Красной площади, мы имеем право за демонстрацию аморальных вещей в публичном месте привлечь к ответственности. Я думаю, это правильно.

Никто не имеет права ограничивать художника писать те или иные картины, в том числе антиправославного и антирусского содержания. Но когда подобная выставка «Осторожно, религия!» проводится в Сахаровском центре и эти вещи выносятся на массовое обозрение, мы вправе требовать, чтобы устроителей привлекли к уголовной ответственности за разжигание межконфессиональной розни, потому что это провоцирует насилие. Этому должны соответствовать подходы в нашей цензуре. Пока таких вещей у нас нет, поэтому все эти вопросы возникают.

Как можно ограничивать право художника сделать то-то. Ограничивать можно только право вынесения в публичное пространство неких «произведений искусства», если они противоречат некому набору общепринятых духовно-нравственных ценностей. Была заповеди у православной церкви в дореволюционное время, был Моральный кодекс строителя коммунизма у коммунистов. Какой-никакой, хорошо они все это дело списали, кроме двух пунктов. Но тем не менее он был. Можно было даже человеку в очень большом чине сказать, что он не соответствует этому и этому.

Сегодня этого нет. Именно поэтому когда ты берешь за руку чиновника, который ворует или злоупотребляет, он может сказать, что у него такие ценности. Он считает, что это можно и нужно для пользы дела. Цензура – это нечто страшное, это пугалка. Речь не о цензуре, речь о системе ограничений. Передавать эту систему в контекст самоограничения, притом, что у каждого свои ценности, это идиотизм.

Маринэ Восканян: Я хочу дать слово Иосифу Евгеньевичу. Может быть, в некоторых моментах он выглядит поборник абсолютных свобод...

Иосиф Дискин: Неправда, я все время говорю... послушайте, что было только что сказано. Свобода творчества. Когда продукты этого творчества выходят в общественное функционирование, тогда мы должны думать об общественных последствиях.

Маринэ Восканян: Я как раз хотела обратить внимание коллег. Возможно, они не знают, что вы занимались законопроектом о защите ценностей.

Иосиф Дискин: Это всегда вопрос о процедурах. Чье представление ложится в основу оценки общественных последствий.

[00:30:05]

Общество – это плохо эмпирически измеримый субъект. У вас троих три разных представления. Попытка выстроить единое общественное нравственное представление было о введении единомыслия в России. Мы все это проходили. Вопрос состоит в том, что нужно обращаться к реальным феноменам общественного сознания, это социологическая аккуратная работа, и мы это делаем.

В Общественной палате есть проект, который называется «Общероссийское единство. Что нас объединяет». Это одна история. Вторая проблема. Нас волнует то, что сегодня на арену общественной жизни выходят слои и группы очень нравственно напряженные с проблематизированными энергичными ценностями. Мы видим, то выставку разрушат, то спектакль сорвут, хотя я не поклонник ни той выставки, ни того спектакля.

Почему я привел пример с Римом. Что делают, когда хотят развести воюющие страны? Их разводят пор разным углом. Должны быть культурные пространства, где ценности людей не могут быть потревожены и напряжены. Не дело, когда жарят куриц на Могиле Неизвестного солдата и у Вечного огня. Безусловно, это оскорбляет нравственные чувства огромного большинства людей.

Не дело, когда идет «Реквием» Верди, *Dies irae*, «День гнева». Верди – не ваш композитор. И вдруг в этот момент у кого-то из присутствующих срабатывает мобильный, а там «Мурка». Здесь прямая угроза самосуда. Понятно, что люди, которые настроились... кто знает, что такое *Dies irae*? Это огромное моральное напряжение. В момент, когда тебя сбивают, можно и... у меня было прямое желание чем-то тяжелым шарахнуть.

Не зря же раньше театр называли храмом искусства. Все учили историю Древней Греции и Рима. Храм – убежище, которое не нарушали ни при каких обстоятельствах. Мы должны иметь пространства, в которых устанавливаются правила, где ты вышел и здесь никто не может посягнуть на твои ценности. На входе

должно быть предупреждение, что данный спектакль является спектаклем с нетрадиционной трактовкой. Подумайте, хотите ли вы. Если человеку не нравится то, что делает Большой театр, гражданское право, попросите разрешение на демонстрацию, индивидуальный пикет. Имеете полное право отстаивать, что здесь нарушаются ваши ценности.

Но те, кто сделал выбор и пошел внутрь, никто не может его побеспокоить. Тогда не надо цензуры. Идет разграничение социальных пространств, идет профессиональная работа. Это концепция закона о защите высокозначимых ценностей. У нас сложно устроенное общество. У нас есть базовые ценности. Когда святейший патриарх говорит, что Россия готова к национальной идее, мы, социологи говорим, что видим ее основы. Родина, свобода, справедливость – это ценности, которые исповедует огромное большинство. Но есть и специфические ценности. Один любит Рембрандта, а я люблю Хальса. Я не очень люблю то, что называется актуальным искусством. Есть много таких людей. Извините, что я привожу себя в пример. Одним нужно, чтобы на них эмоционально воздействовали. Такой театр у нас есть. Чтобы мы избежали гражданской культурной войны.

[00:35:08]

Маринэ Восканян: Я хотела бы дать слово Ивану. То предложение, которое сейчас прозвучало со стороны Иосифа Евгеньевича о разграничении пространства, чтобы никто никого не задевал, не причинял морального ущерба. С вашей точки зрения, в Европе это реализовано? Там действительно люди с очень разными и культурными устремлениями, и ценностными позициями. Тем не менее в большинстве случаев никаких запретов там нет. Удастся вот это? Удастся добиться того, что один не обижает того, кто в театре слушает Верди, а другой не обижает того, кто пришел в какой-то храм и делает вещи, которые кому-то не нравятся. Удастся ли соблюсти этот баланс?

Иван Преображенский: Если коротко, то удастся. В большинстве случаев никогда и нигде не удастся полностью. Это естественно. Второе, что надо сказать. Здесь серьезная концептуальная ошибка в большом количестве наших выступлений в целом. Это началось с разговора о монастыре. Нельзя путать потребление искусства с созданием искусства. Это совершенно разные функции и совершенно разные люди. Нам представляют людей, которые хранят то искусство, которое уже было

создано. Они не создают нового искусства, они дают некоторое приращение знания об искусстве, но они не создают искусство, они не творят.

Это совершенно разные люди и разные пространства. Есть опасные интернет-каналы. Каналы в современном искусстве сами по себе часто являются частью художественного процесса. Если люди этого не знают, то что они знают о современном искусстве. Закрывать от людей это нельзя, потому что они должны иметь возможность сделать свободный выбор. Попытка создать общенациональный монастырь, где черное духовенство будет объяснять белому, как белому надо служить... в данном случае речь идет именно об этом, это даже с точки зрения православной церкви...

Речь идет о том, что закрывая каналы интернета, мы закрываем доступ к мировому художественному искусству. У большинства российских школьников, в каком бы замечательном кадетском училище они не обучались, доступа к галерее Тейт нет и возможности туда поехать не будет. Интернет дает им возможность самостоятельно оценить и сформировать свою точку зрения на этот вопрос, не навязанную вами и не навязанную мной. Инструменты должны быть инструментами.

Европейская современная культурная среда дает именно эту возможность. Вы пользуетесь разными инструментами для достижения разных целей. Современная Вена – это европейская столица, в которой 10 тыс. человек каждый день посещают именно то, что вы считаете художественными мероприятиями, то есть концерты классической музыки и спектакли традиционных драматических театров, а также балет и опера. Это не говоря о современном искусстве. Современное искусство существует параллельно, в чем-то пересекаясь, в чем-то не пересекаясь. Художественные училища могут вам дать то образование, которое захотите вы, потому что европейское художественное образование позволяет вам самоопределяться.

Коротко говоря, все очень просто. Европейское художественное пространство находится в одном месте в разных плоскостях. Вы можете совершенно спокойно, не пересекаясь, потреблять тот вид искусства, который вам нужен, но для этого нельзя ограничивать тех, кто создает искусство, потому что в противном случае какая-то из групп населения оказывается лишенной того, что ей необходимо.

[00:40:10]

Маринэ Восканян: Я хотела бы переключить наш фокус с темы запрета на тему создания чего-то, что нас сподвигает к чему-то позитивному. Я хотела бы дать слово Юрию Викторовичу. Он занимается производством кинопродукции. С вашей точки зрения кинопродукция может в этом смысле для общества служить неким источником чего-то разумного, доброго, вечного. Не просто развлечения, а еще воспитания.

Юрий Рязанов: Давайте я от частности, снова зайду в более общее. Мы находимся на Экономическом форуме. Как зависят культура и экономика. Это разное или все-таки одно. Я говорю, что это одно. Где создается экономика? Кто является потребителем? Это семьи. Наша большая страна – это набор ячеек и эти ячейки называются семьями. Давайте посмотрим, в России в семьях все хорошо? Конечно, нет. У нас 70 % разводов. То есть семьи, вот эти вот ячейки потребления болеют. Поэтому в рамках культуры у государства должна быть политика.

У нас этой политики нет, а политика должна быть направлена на сохранение семей. Это было и в СССР, и в Китае, и во всех нормальных странах должна быть такая политика. И финансировать нужно и фильмы. Мы же сейчас говорим о государственном финансировании. Я когда брал деньги в Фонде кино, там мне задали один вопрос: какая у меня окупаемость. Я делал мультфильм «Сказ о Петре и Февронье». Никто меня не спросил, есть ли какая-то польза для России. И так не спрашивают сегодня.

Почему сегодня в России нет самого главного в рамках расходования государственных средств? Нет политики создания семейных ценностей. Я не говорю, что надо ввести цензуры, разводы запрещены. Естественно, это бред. Или бред православных: давайте запретим аборты. Я говорю по-другому. Давайте подумаем, почему мы сегодня впереди планеты всей по абортам? Вот такой вопрос никто не задает. Почему мы сегодня первые по разводам?

Я дам вам один из ответов. Потому что у нас все разрешено в интернете. Дети сегодня развращены. Нет уважения к женщине, как к матери, как девушке. Возьмите те же стриптиз-бары. Это секс-индустрия. Сегодня общество болеет. Насчет цензуры. У нас есть цензура по курению. Общество стало от этого слабее? Общество только выиграло, потому что курить в ресторанах нельзя. А раньше, пожалуйста. Мы летели в «Аэрофлоте» и рядом женщина курит. Сейчас это недопустимо. По игровым

зонам. Разве общество стало слабее от того, что мы убрали игорные зоны? Есть какие-то подпольные казино.

Маринэ Восканян: Вы занимаетесь кино, поэтому нам было бы очень интересно, если бы вы привели примеры из киносферы, того как кино позитивно влияет на то, о чем вы говорите.

Юрий Рязанов: Мультфильм очень трудно снять. Я затратил огромные деньги. Я рад, что сделал такой мультфильм. К сожалению, его своровали. Я в нем самовыразился. Если бы меня государство больше деньгами поддержало, мне было бы проще создать второй. Я делаю сейчас второй мультфильм.

Маринэ Восканян: Вы сами принимаете участие в этом процессе без помощи государства.

Юрий Рязанов: Государство дало мне 7 %. Что об этом говорить? Я создал хороший мультфильм «Сказ о Петре и Февронии». Должна быть политика, должна быть конкуренция. Есть три таких Рязановых и делают три хороших мультфильма. Давайте деньги между ними распределим. Иначе мы создаем «Том и Джерри». Круто! «Том и Джерри» быстро окупается. Но нация от этого становится слабее. Все видели «Том и Джерри», как там кошка этого мышонка изощренно избивает.

Маринэ Восканян: Юрий Викторович, вы подняли очень интересную тему. Это государственное финансирование продуктов художественной культуры.

[00:45:03]

Что государство должно финансировать? Виталий Владимирович, скажите нам, когда государство дает средство на создание художественных произведений, чем оно должно руководствоваться?

Виталий Аверьянов: Действительно, у нас время подходит к концу, а мы так и не подошли к главному вопросу: что делать, какая может быть позитивная культурная политика в содержательном плане? Не только как разграничить, развести по углам, не только как уйти от экстремизма, а что реально делать? Мы свои идеи сформулировали давно и развернуто. Например, в «Русской доктрине» в 2005 году. Владимир Евгеньевич – один из соавторов этой доктрины. Это можно почитать и посмотреть. Я сейчас не смогу это изложить. Я попытаюсь очень коротко передать смысл, главный посыл.

Давайте зададимся вопросом, что сегодня реально происходит со сферой культуры в нашей стране. Несмотря на все усилия министра, которого я очень уважаю, с ней происходит то же самое, что и с другой частью социальной сферы, с медициной и образованием. Происходит укрупнение, оптимизация бюджетов. У нас сегодня на селе очень многие деятели культуры работают даже не на полставки, а на четверть. Два часа в день, потому что денег нет на больше. Я не хочу сказать, что надо сводить вопрос к тому, каким должно быть финансирование. Это отдельная тема. Это есть в стратегии, есть в ФЦП. Это тонкий вопрос.

На все те вопросы, которые сегодня звучали, ответ может быть дан только при одном условии: если мы знаем цель культурной политики, знаем какого человека мы хотим воспитать. Если мы этого не знаем, тогда все наши вопросы повисают в воздухе. Мы будем бесконечно дискутировать, и каждый будет настаивать на своей правде. И она у каждого действительно своя.

На мой взгляд, для того чтобы уйти от этого кошмара, а я считаю, что это кошмар, культурная ситуация, которая в 90-е не сложилась, и до сих пор не изжита нами. Это эклектика, это бесконечная постмодерная цитатность, это гламур, это уродливый лужковский квазиампир, это эвтаназия, усыпление бдительности населения через массовую культуру, наркотизация, дебилизация. Это закошмаривание населения катастрофами, чернухой, что было особенно раньше, и сейчас это есть в значительной мере.

И наконец, самое главное, это пошлость, это низкопробность. Мы сегодня говорили об искусстве как таковом, но мы не говорили о том, какое искусство. К сожалению, уровень массовой культуры в России сегодня, с точки зрения консервативных ценностей и традиционных, даже не по содержанию, а по самой форме не позолителен. Нам очень долгое время внушали, что пошлые передачи, программы, в том числе искусства, более рейтинговые, их лучше смотрят.

Хотя если мы будем апеллировать к рекламодателям, то я уверяю вас, рекламодатели будут платить деньги и каналам, и изданиям, если мы поднимем там планку вкуса, все равно они будут туда свои деньги приносить, потому что им приносить их будет больше некуда. Эти оправдания, на мой взгляд, являются ни чем иным как злым умыслом, который нам очень долгое время навязывали.

Ответ на вопрос, что можно было бы изменить и куда нам двигаться, таков. Я сегодня уже озвучил термин культурная контрреформация. Ни в коей мере не революция. Тут с Китаем я бы не стал аналогии проводить, тем более с маоистским Китаем. Культурная контрреформация. Я провожу аналогию с католической Европой, которая попыталась остановить процесс духовной деградации, который был запущен в процессе реформации. В итоге он победил.

Но контрреформаторы пытались его остановить. У России есть шанс реализовать этот процесс. Я считаю, что в области искусства, в области художественной культуры при наличии вот этой государственной воли в союзе со здоровыми общественными силами мы могли бы поставить перед собой задачу формирования нового большого стиля, который бы проявлялся, прежде всего, в поддержании чувства национального достоинства всеми возможными ресурсами. У нас для этого есть масса ресурсов: исторических, культурных, духовных. Все другие задачи могли бы служить этому.

Маринэ Восканян: Государство формирует с помощью культуры образ будущего. И вот этот большой стиль...

Виталий Аверьянов: Я могу очень подробно рассказать о том, что такое большой стиль, но боюсь у меня нет для этого времени. Но это написано в «Русской доктрине», это написано в журнале «Изборского клуба».

[00:50:02]

Отсылаю вас к этим источникам. Я просто хочу сказать, что только поставив вопрос таким образом, мы сможем найти критерии ответа на те вопросы, которые сегодня звучали. Если мы просто будем находиться в статусе-кво и говорить, что все у нас не так плохо, давайте просто сделаем законодательство чуть более эффективным, правоприменительную практику чуть более эффективной. Мы не уйдем от этого кошмара. Я утверждаю, что сегодня в культурном плане Россия находится в тяжелом, кризисном, больном состоянии. Нам нужно ее лечить.

Маринэ Восканян: Иосиф Евгеньевич, вы согласны с тем, что государство может, финансируя определенные культурные программы, поднимать культурный уровень населения для того, чтобы люди в сфере культуры...

Иосиф Дискин: Прежде всего, я хочу категорически возразить против чудовищного неуважения к своему собственному народу. До каких пор высокомерный

авторитаризм будет исходной точкой культурной политики. Давайте мы мнение, суждения собственного народа... у нас вполне здоровое общество. Когда через запятую говорят: искусство, массовая культура и так далее... я хочу напомнить, что советская массовая культура была мощнейшим инструментом патриотического и нравственного воспитания.

Массовая культура – это то, что воспринимается каждый день. Это самый надежный способ формирования ценностных представлений. Другого способа не существует. Beatles – это была массовая культура, которая сформировала определенную европейскую культуру. Поэтому давайте все-таки выстраивать понимающую культурную политику, которая понимала бы, как это функционирует.

У нас в стране самая большая проблема – это экспертное сообщество. На Западе эксперт обладает уникальной квалификацией и знанием. У нас эксперт – это каждый, кто обладает собственным мнением. Хочешь заниматься культурной политикой, возьми и разберись, как это функционирует, выучи хотя бы учебник культурологии, который рассказывает о том, как функционируют каналы культуры.

Когда мы говорим о поддержке искусства, художественные выразительные средства, поиск новых форм, эксперименты, здесь должны быть профессионалы, которые понимают тренды, актуальное искусство, и выдавать гранты на это. Дали, получили достаточно среднее произведение, в следующий раз можешь отойти в сторонку. И так действовало во многих странах, где вполне динамичная культурная политика. Не нравится Европа, вполне себе Индия. Речь идет о художественной культуре.

Проблема в том, чьи ценности и представления кладутся в основу. Моя позиция – безнадежно пытаться перекорректировать реальные представления, которые живут в разных слоях и группах. Должна быть дифференцированная политика. Должна быть система художественного воспитания в школе.

Мужчина: Искусство для избранных и искусство для быдла?

Иосиф Дискин: Второе. Должны быть специальные процедуры формирования. Я принимал участие в формировании Общественного совета при Минкульте. Но, видимо, не доглядел. Это должны быть люди, которые имеют хотя бы приблизительную культурологическую подготовку, которые не ставят задачу – воплощать собственные ценности в культурной политике. Есть завет Стасова по

поводу музыки. Он говорит, что не пишет музыку. Он берет музыку у народа, облагораживает ее и возвращает народу. Культурная политика – это прежде всего, тонкий, профессиональный диалог со своим собственным народом.

[00:55:06]

Попытка переколоть его сегодняшнее представление – это значит игнорировать тот урок про Кромвеля, который я тут пытался напомнить. Боюсь, что я не был услышан.

Маринэ Восканян: Владимир Евгеньевич, я так понимаю, что вы придерживаетесь позиции, что государство может формировать культурный уровень общества.

Владимир Хомяков: В свое время, еще работая на телевидении, я работал с группой в Совете Федерации. Выступал тогдашний министр информации Михаил Лесин. Его губернаторы спросили, почему на телевидении поперла такая мерзость, рассчитанная на совершенно примитивных существ. На что он сказал, что это плата за свободу информации. Раньше телевидение было на госфинансировании и ему диктовали, что делать, а теперь диктуют рекламодатели. За что они платят, то мы и даем. То, на что идет массовый зритель с самыми низменными культурными потребностями. Никто, бомж. Вот на него и будет ориентировано то, что мы будем показывать. Это плата за свободу. Это что касается культурной государственной политики в то время.

Теперь что касается того, что надо делать. Без государственной идеологии и прописанной системы ценностей, которая воспринимается всеми, бесполезно говорить не только о культурной политике, но и об экономической, о чем сегодня этот форум и говорит. Любая экономическая стратегия имеет смысл лишь постольку, поскольку направлена к цели, которая формируется исходя из ценностей. У нас сегодня в стране уже 25 лет мы развиваемся без цели и без ценностей. У каждого нормального либерала своя система ценностей, свое понимание добра и зла. Это сатанизм, когда я сам определяю добро и зло. На этом погорел Люцифер в свое время по писанию. Оставим религию в стороне.

Я говорю о другом. Говорят о том, что вы недооцениваете народ. У него уже сформировались некие культурные предпочтения. Сформировали такие как господин Лесин, как огромное количество людей, которые сызмальства

подсматривали за девочками в бане, а потом начали говорить о том, какие нравственные императивы надо внедрять в общество. И вот 25 лет их внедряли.

И что мы получили? Сегодняшнее общество отличается в худшую сторону, по сравнению с позднесоветским в плане нравственности. Надеюсь, что с этим сегодня спорить никто не будет. К чему приводит искусственное обыдление общества мы видим на примере Украины, которая скатилась в фашизм, именно потому что ей 25 лет формировали мозги. Не дай бог, если у нас тут сформируют мозги точно так же.

Иосиф Дискин: Это просто неправда. Это прямая клевета на российское общество. Есть известный индикатор нравственного здоровья общества. Известный уже больше 100 лет. Это количество самоубийств. Действительно, мы были рекордсменами по количеству самоубийств в середине 90-х годов. Сегодня мы сократили это число в 3 раза. Все социологи знают, что это надежный индикатор нравственного оздоровления общества.

Владимир Хомяков: Да бог с вами. Мы, наверное, и по коррупции сократили раз в пять.

Маринэ Восканян: Я все-таки стремлюсь вывести нашу дискуссию на какие-то положительные моменты.

Борис Надеждин: Я буду чрезвычайно позитивен.

Маринэ Восканян: В своих первых выступлениях вы говорили о том, что люди должны сами, пользуясь свободой выбора, самореализовываться, потреблять те культурные продукты, которые ему нравятся. Вы сейчас затронули очень интересный вопрос про культурную политику государства. Ведь это действительно интересный момент. Если государство не педалирует культурные образцы, они у людей возникают сами собой. Это спекулятивный вопрос. Что такое само собой? Само собой ничего не возникает. Дети учатся в школе, их воспитывают родители. Откуда должны браться эти культурные образцы, чтобы потом общество шло в этом смысле не в деградацию. Я думаю, мы все понимаем, о каких низкопробных культурных продуктах, совершенно неприемлемых ни для кого из нас, говорили коллеги. Как сделать так, чтобы мы от них уходили?

[01:00:02]

Где находится момент воспитания общества? Вы считаете, что это должно происходить в полностью свободной среде, но как?

Борис Надеждин: Я абсолютно убежден в том, что сытый, образованный, спокойный человек стремится к культуре. Если человек сытый, спокойный, войны нет, никто ему не навязывает большой стиль, он будет ходить на концерты, нормально воспитывать детей. Нет ничего такого, что показывало бы, что наша страна находится в какой-то деградации. Этого просто не существует в природе. Сто лет назад половина людей на нашей великой родине не умели читать и писать. Тридцать лет назад, я это время хорошо застал, досуг большинства населения деревень и малых городов в СССР заключался в том, чтобы нажраться, подраться, в лучшем случае сходить в советский кинотеатр.

Сейчас абсолютно другая ситуация. Современная молодежь абсолютно нацелена на позитивное развитие. Забиты театры, забиты спортзалы, что тоже немаловажно. Как физтех со стажем могу вам сказать. Мои нынешние студенты бухают в пять раз меньше, чем бухал я 30 лет назад. Молодцы. Они тянутся у здоровому. И это правда. Нет никакой деградации. Эта деградация существует в вашем больном воображении. Посмотрите на лица людей, которые здесь сидят. По поводу аборт, ценностей семьи. Есть статистика. Даже не хочу комментировать. Посмотрите, когда было много абортов, сколько сейчас. Посмотрите статистику.

Теперь по поводу того, что надо сделать. Хороший вопрос. Я вас уверяю, что государство максимально делает все, что может, для повышения культуры нации и мира. Это первое. Обеспечивать свои государственные задачи в сфере образования, в сфере уровня жизни людей. Сытый, образованный человек тянется к культуре. Хотя эта культура может быть очень разной. Она может быть совершенно нетрадиционной. Это другой вопрос. Но человек настроен на развитие. Поэтому то, что делало советское, а теперь делает российское государство, когда у нас все имеют среднее образование, треть людей имеет высшее образование. Все в школе читали Толстова, Достоевского, слушали музыку Рахманинова и Баха. Больше ничего делать не надо. Боже вас упаси брать взрослых людей и говорить им сюда ходить, сюда не ходить, эту постановку ставить, а эту нет. Не надо этого делать. Научите людей читать и писать, и дайте им нормальные условия жизни.

Маринэ Восканян: Что же все-таки государство может сделать для того, чтобы культурный уровень общества повышался, а не понижался?

Иван Преображенский: Я присоединюсь к Борису. В первую очередь государство должно выполнять все те функции, которые на него возложены и которые оно не в полной мере выполняет, хотя и стремится к этому. Если отсутствует качественное образование, то ни о какой культурной политике в широком смысле этого слова говорить не приходится. Если образование достаточно качественное, мы можем говорить с этим человеком на другом уровне. Это первое. Второе. Государство, безусловно, проводит культурную политику. Даже когда государство заявляет, что оно не проводит культурную политику, это тоже культурная политика.

Российское государство всегда проводило культурную политику. Не надо делать вид, что оно не проводило ее в 90-е годы. Отнюдь не ту, о которой вы говорите. Массовая культура возникала сама, и это была как раз та контркультура, которая возникла в позднем СССР на протесте против советской культуры, на протесте против закрытой культуры. Это то, что ждет современный Китай практически неизбежно. В обществе, которое здорово, а наше общество действительно не во всем здорово, у него есть свои проблемы, как у любого общества, каждой сферой деятельности занимаются те, кто являются в этом специалистами.

[01:05:07]

И о проблеме абортсудят демографы и гинекологи, а не члены советов по культуре. О проблеме преступности судит МВД, а не мы с вами, и опять-таки не члены советов по культуре. Мы как эксперты в каких-то своих областях можем давать советы в этих областях. Как только мы пытаемся расширить свою сферу деятельности, в лучшем случае начинается бардак, а в худшем случае возникает ситуация, при которой одна часть общества создает цензуру для другой части общества, подавляет одну из частей общества.

Вы утверждаете, что в 90-е годы подавляли тех, кто был согласен с вами, а я вам говорю, что вы сейчас пытаетесь создать культурную революцию и сделаете ровно то же самое, только в противоположную сторону. Если не будет достигнут баланс, общество будет постоянно находиться в противостоянии и никакой культурной позиции, никакой культурной политики в разделенном обществе провести нельзя.

Маринэ Восканян: Какой главный совет, который бы вы хотели дать для того, чтобы улучшить российскую культурную политику. Что самое ключевое с вашей точки зрения? Что надо сделать? Что мы действительно могли бы сделать. Давайте

попробуем породить что-то практическое в ходе нашей дискуссии. Затем я позволю себе подвести небольшой итог.

Юрий Рязанов: Я скажу то, с чего начал. Почему статья 241 не работает в интернете, то есть распространение порнографии. Эта статья есть, общество уже сделало это. Почему она не работает? По моим оценкам 100 тыс. детей заходят в интернет и там проводят по часу. Отсюда деградация общества. Надо заставить эту статью закона, которую мы сделали, работать. Здесь семья не сможет... ко мне подошел священник и сказал, что был вынужден выгнать из православной школы человека, потому что он все время смотрит порнографию. А мы, родители – не священники. Священники не справляются. Как семья может справиться? Это важный момент.

Борис Надеждин: В отличие от священника я как отец могу сына выпороть. Я считаю, это правильно. Священник не должен применять насилие. Или вырвать провода, которые ведут к интернету. Или не заплатить ему за Wi-Fi. Государство должно сделать следующее – обеспечить людям безопасность, нормальный уровень жизни и образование. Стандартный набор. Дальше люди сами потянутся к культуре. Поверьте, запреты и ограничения вредны. За государственный, казенный счет должны существовать институты культуры: театры, филармонии, музыкальные школы, консерватории, где должна преподаваться классика, то есть то, что массового спроса не имеет.

Количество запросов «послушать музыку Баха» на YouTube измеряется миллионами, а какого-то хип-хопера миллиардами. Дальше государство не должно вмешиваться. Должны существовать частные организации. Страшно сказать: должны существовать гей-клубы и гей-культура, но не за казенный счет.

Владимир Хомяков: Я в этом плане соглашусь. Любые проявления своеобразия возможны на узкой территории сторонников данных взглядов, а не на общей территории, где большинство народа придерживается несколько других моральных ценностей и нравственных ориентиров.

[01:10:07]

На территории гей-клуба гей-пропаганда может быть разрешена в любых количествах среди своих. Но если они выйдут к школе пропагандировать то же самое, они должны преследоваться. Тот же самый подход должен иметь место и в отношении искусства. Тем более что сегодня искусством называют очень многие

вещи, к искусству отношения не имеющие. Искусство в кавычках я бы назвал. В этом должна состоять государственная культурная политика.

Что касается того, что каждый определяет, что можно, а что нельзя самостоятельно, даже на футбольном поле такого не бывает. Это приводит либо к драке, либо к срыву игры. Я не хотел бы, чтобы наша общая игра, продвижение нашего общества сорвалось по причине анархии. Есть некие общие правила для всех. Кто вышел за эти правила, тот будет ограничиваться. Кто следует им, тот будет поощряться со стороны государства. Только так. А делать можно все, что угодно, но на своей территории.

Иван Преображенский: Я, наконец, сделаю то, чего от меня с самого начала добивалась Маринэ. Очень короткий пример. Большая французская программа после прихода к власти президента Эммануэля Макрона по развитию франкофонии. Как строится эта программа? На мой взгляд, это достаточно хороший образец. В каждой сфере, связанной с французским языком и французской культурой находятся эксперты. Речь идет о современном искусстве, о развитии французского языка.

Программу франкофонии возглавляет франкофонная арабка, гражданка Франции и не в первом поколении. Она распространяется на всех, кто говорит на французском. В отличие от коллег, никто не пытается исключать граждан своей же собственной страны из этой программы. Каждому дается то, до чего он либо дорос, либо на что у него есть спрос.

Все эти программы – это развивающие культурные программы для каждого соответствующего уровня. Если человек готов воспринимать культуру через рэп, он воспринимает ее через рэп, если через современное искусство, он воспринимает ее через современное искусство, если через высокую французскую оперу, он воспринимает ее через высокую французскую оперу. Все вместе это дает очень сильный кумулятивный эффект только за последний год. Вот это вот серьезная культурная программа, которую разрабатывали в каждой области отдельные эксперты. Никто не пытался навязывать. Джазмены не учили оперных певцов.

Виталий Аверьянов: Если обратиться к Западу, только что о нем шла речь, безусловно, там есть и культурная политика, там есть субъекты культурной политики. Они разнообразны. Если попытаться крупно смотреть на проблему, потому что когда мы говорим о contemporary art, о каких-то эксклюзивных формах

искусства, это все-таки искусство меньшинства. Большая культурная политика строится вокруг искусства широких слоев. Там, безусловно, есть мощные субъекты, имена которых мы знаем. Тот же Голливуд, Диснейленд и другие институты. Они бывают государственные и не государственные. Так что везде все по-разному.

В России доля бюджетного финансирования учреждений культуры колеблется от 70 до 99 %. Это говорит о том, что возможности у государства большие. Но есть ли у государства воля проводить определенную ценностно-ориентированную культурную политику? Пока ее недостаточно. Она заметна, но слабо. Художник имеет право на эксперимент, но государство имеет право на свою культурную политику, если оно ее осознано. Степень осознанности должна быть соответствующая.

Безусловно, здесь можно развести очень тонко, не запрещая ничего, но оставить художника, который не соответствует этой культурной политике, в своем субкультурном мире. Мы сейчас говорим о некоем консенсусе морального большинства общества. Как это ни смешно покажется, обычно либералы ассоциируются с демократами. Сегодня консерваторы являются демократами. Мы в значительной степени являемся апологетами большинства.

[01:15:00]

То, о чем мы говорим, поддержит значительная часть нашего общества.

Иосиф Дискин: Коллеги, разговор крайне актуален. Есть поручение президента подготовить новую редакцию закона о культуре. Поэтому все это в точку. Что на мой взгляд, должно быть? Первое – это профессионализм. Государство должно заботиться о росте многообразия, с тем чтобы обеспечить динамику развития искусства. Второе – государство должно отвечать за культурное образование и просвещение.

Когда Борис Борисович говорит о том, что люди сами не... даже в потребительском рынке так не происходит. Здесь это очень важно, потому что вот здесь возникают те самые традиционные ценности, представления, происходит укоренение культур. Третье. Нужны ли запреты? Да, нужны. Есть культурные продукты, обращающиеся в общественном пространстве, которые оскорбляют значимые ценности и представления значительной части общества.

Со времен Эмиля Дюркгейма мы хорошо знаем, что нельзя полагаться только на рациональное сознание. Великий русский юрист Анатолий Федорович Кони говорил, что нельзя заниматься провокацией сомнительных нравственных чувств. Люди не настолько рациональны, не настолько доверяют собственным нравственным суждениям, поэтому могут попадать в ловушку сомнительных суждений.

Для того чтобы все это проделать, это абсолютно профессиональная работа, которая понимает, зачем нам культура. Культура – это институт, который делает общество обществом. Социологи знают проблему социализации, социальной интеграции и это живет. При этом надо понимать, что культура не живет без кризисов. На премьере пьесы Гюго «Эрнани» началась массовая драка. Издание Флобера «Госпожи Бовари» привело к гигантским искам и так далее. Нам нужна профессиональная понимающая культурная политика, где действовали бы профессионалы. Не искусствоведы, а люди, которые понимают всю систему механизмов общественного функционирования культуры.

Маринэ Восканян: Я считаю, что мы сегодня совершили подвиг. Большинство наших коллег на подобных мероприятиях собираются на дискуссию, где все являются единомышленниками, просто обсуждают детали своего более или менее общего мнения. Мы, зная заранее, что мы не согласны друг с другом по очень серьезным вопросам, тем не менее нашли в себе силы и время для того, чтобы сесть и в более или менее цивилизованном русле обсудить наши, во многом несовместимые противоречия. Я считаю, что нам это в каком-то смысле удалось. По крайней мере, мы не подрались на этой сцене. Хотя был шанс, что на нас сверху упадет крыша, но она не упала.

Теперь попробую сформулировать некое серьезное завершение нашей дискуссии. Наверное, всем бы хотелось жить в таком обществе, где не были бы нужны никакие запреты, о которых мы говорили, не было бы элементов общественной жизни, которые человека тянут куда-то вниз. Но мы же понимаем, что это недостижимый идеал. Мы живем в реальном мире, где этого на данный момент нет. Но наверное, мы должны стремиться к тому, чтобы наше общество стало таким, где нам в меньшей степени нужны были бы какие-то запреты, зато в большей степени нужна была проактивная позиция.

[01:20:06]

Если мы хотим добиться чего-то позитивного, чтобы мы его реализовывали через улучшение уровня образования людей, доступа к культуре. Мы здесь дискутируем о том, как кто оценивает современные произведения искусства. Я думаю, что у многих жителей России вообще нет возможности пойти в музей, посмотреть кино. Они не выбирают между более и менее интеллектуальным.

Я поддерживаю всех, кто говорил о том, что нам нужно общее серьезное повышение культуры. Надо чтобы государство каким-то образом тратило средства именно на сферу образования. Я думаю, что на этом тезисе мы можем достигнуть определенного согласия. А в остальном... наш форум для того и существует, чтобы на нем звучали разные мнения, чтобы у нас были дискуссии, в том числе такие острые.

Мы первопроходцы. Формат дебатов никогда на Московском экономическом форуме до этого не присутствовал. Даже те, кто будут это делать, будут это делать уже после нас. У нас сегодня произошла премьера этого формата. Мы всем показали пример, как надо, или как не надо делать, в зависимости от того, как зритель это оценивает, это делать.

Я вас всех благодарю за то, что вы согласились принять участие, зная заранее, что дискуссия простой не будет. Я очень рада, что мы здесь собрались, смогли поговорить. Я надеюсь, что вы не очень обижались, что я иногда пыталась вас ограничивать, прерывать. Я просто пыталась как-то вас удержать в таком русле, чтобы мы все успели высказать свои мнения. Еще раз всех благодарю, благодарю наших зрителей.

[01:22:08]